

Алексей Пугин

*Кем
станут
звери*

Алексей Пугин

Кем станут звери

«Автор»

2026

Пугин А. А.

Кем станут звери / А. А. Пугин — «Автор», 2026

Никто точно не знает, что ждёт человека за последней чертой. Данила в свои пятнадцать и не хотел знать: он был слишком скептичен, чтобы верить в тайны. Но смерть не спрашивает готов ли ты. Так случилось, что заносчивый юноша оказывается в месте, которое ломает его стереотипы. Вместо привычного Рая он оказывается в Раю животных – в мире, где всё для него знакомо и чуждо одновременно. Что он делает в это месте? И что откроют ему те, кто когда-то жил по законам инстинкта, а теперь учится жить иначе?

© Пугин А. А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1.	5
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Алексей Пугин

Кем станут звери

Глава 1.

Данила любил эльфов еще с самого детства. Не только за длинные светлые волосы, похожие на его собственные. Не только за ловкость, с которой они расправлялись с врагами в видеоиграх, и не только за то, какими их показывали в любимом аниме. Больше всего его завораживало другое.

Эльфы были бессмертны.

Почему-то в последнее время молодой парень все чаще задумывался об этом последнем и неизбежном. Зачем она нужна, эта смерть? Нет, конечно, Даниил хорошо понимал, зачем. Она является незаменимым стимулом эволюции, освобождает место для новой жизни. Да и в конце концов, для многих смерть придает жизни ценность. Но какой же смысл в самой смерти? Если подумать, она была тогда, когда еще не было жизни. Это жизнь появилась после небытия, и этим же небытием она заканчивается. Стало быть, смысл логичнее искать непосредственно в смерти. По крайней мере, так рассуждал Данила. Но самым страшным для него был вопрос о том, что ждет человека после жизни. Ведь и ответ мог быть не менее пугающим. И надо же было кому-то так устроить наш абсурдный мир, что подобные вопросы начинают мучать человека в пятнадцать лет!

Так и теплым вечером раннего июня, когда лучи солнца расстилались по спальне, где был Даниил, ум его был занят подобными мыслями.

Подниматься с заботой заправленной кровати не хотелось, но и желание уснуть в постели отсутствовало – в последнее время юношу часто беспокоили кошмары.

Тихо отсчитывали минуты вальяжной безмятежности часы на стене, изредка прерываемые шуршанием шин автомобилей во дворе. Из коридора периодически доносился скрип паркета, сопровождаемый отдаленным гулом стиральной машины... В такой какофонии дома Даниил и дремал. От сонливости собственные веки казались ему такими неподъемными, словно налитые свинцом. Не хотелось даже глаза открывать, чтобы на минуту-другую залипнуть в соцсетях. И лишь вечерняя прохлада не то, чтобы бодрила, но не давала окончательно погрузиться в сон. Лето – райская пора для старшеклассника.

В очередной раз паркет коридора заскрипел, но уже чуть громче, и в спальню вошла мать. Без стука, конечно же, что в ту же секунду откликнулось в Даниле раздражением. Пора бы ей начать соблюдать личные границы. Данила, быть может, еще не мужчина, но уже и не мальчик. Но у матери мальчика-мужчины были на жизнь свои взгляды и, при всем уважении к “бесценному чаду”, за штурвалом их семейной жизни была она, и решения любых волнующих юные умы вопросов были просты и лаконичны, как например, ответы на появление у Дани кошмаров – очевидно, все из-за видеоигр. И никакого занудства, а лишь истинные наставления, которые дорогой мальчик еще обязательно вспомнит. Но только когда свои дети будут.

Подняв тяжелые веки, Даниил взглянул на мать, когда с глухим шлепком на кровать упал черный кирпичик со светящимся дисплеем.

— Это Аня, — объяснила мама с такой же беззаботностью, с какой вошла на неприступную территорию подростка.

А вот в самом Данииле что-то дрогнуло, когда он покосился на смартфон. Только виду подавать нельзя! Аня в последнее время звонила русому юноше чаще прежнего, но это же совсем не значит, что нужно делать поспешные выводы. К тому же, неправильные!

Но мать улыбнулась, слабо, еле заметно, значит, опять надумала себе что-то правильное. И снова в Дане закипело раздражение.

— Алло, — произнес он сухо и тоном столь безразличным, что все необходимые выводы можно было сделать в один момент, — Ань, ты?

— Конечно, я, — ответил в трубку голос юной девицы.

— Ага. Привет.

Только начал говорить, а уже словно мямлить собрался! И с каких пор Даниилу стало трудно вот так общаться с ней?

— Ты пойдешь с нами к семи? — вновь отозвался приятный голос.

Даня чуть было сходу не выпалил нужный ответ, но внутри у него все сжалось, и что-то подсказывало юноше не торопиться.

— Не знаю... Как-то не очень хочется.

— Ты чего? Почему?

— Ну... Опять народ напьется – и фигня получится.

Включив громкую связь, Даня отбросил подпрыгнувший на матрасе телефон к краю кровати, подперев голову рукой.

— Чего? Да нормально все будет, отпразднуем выпуск как следует.

Признаться, отпраздновать и впрямь было что и очень, хотелось. Выйти победителем после череды экзаменов всегда более чем приятно, и можно даже не стесняться просить у родителей разрешения тусоваться до полуночи. И конечно, юные сорванцы воспользовались своим положением образцовых выпускников.

А Анна, к слову, была одной из тех скромных девиц, что обладали характером в меру застенчивым, но будучи легкой на подъем, могла стать душой всякой компании, за что и нравилась многим ребятам, не говоря уже о прелестной наружности и умении замаскировать недостатки. Но в день, когда Даниил понял, что сам нравится девушке, каждый раз, когда он вспоминал о ней, его охватывало новое, доселе неизведанное чувство, которое почему-то вызывало в нем стыд.

— Хорошо. Приду к вам. — Уверенно промямлил Даниил и закрыл глаза, позволяя своему разуму и воображению представить самые нежные образы.

Надеть... Что надеть?! На кровати одна за другой раскидывались шмотки, и почему-то каждая из подбираемых вещиц на стройном теле Дани казалась ему такой нелепой, словно мешок на пугале. Само по себе русое “пугало” было в целом симпатичным, но все равно с мешком. «А пусть и мешковато будет, так все равно стильно», — подумал Даня и, дотянувшись до экрана смартфона, смахнул пальцем очередную композицию, подсакивая при этом на одной ноге к шкафу. Уже какой год объемное худи было ему впору. Модное, разумеется.

А что с прической? А с прической был полный атас. Как назло, отросшие волосы отчаянно сопротивлялись пластиковому гребню, не желая ложиться ровным контуром. Нет, причесать и уложить их вскоре получилось... но все равно как-то криво! Кривизна эта обывательскому глазу была не сильно заметна, но чутко осознавалась чувствительным юношей и была понятна лишь ему. Выход один – попросить помощи у матери. Прийти, рассказать, даже в какой-то степени пожаловаться и снова заставить ее придумать что-нибудь поспешное и неправильное.

Наконец, втихаря взяв духи отца, трижды получив благословение от матери в виде слов о том, какой Даня жених и, вообще, гордость, вставив в уши две черные запятые с музыкой, юноша выпорхнул на лестничную клетку.

Лифты Даниил не любил, да и расстояние до пятого этажа не казалось парню Эверестом, а потому под рок-н-ролл в ушах, который на деле являлся попсой, на что обращать внимания, впрочем, не хотелось, парень спустился к парадной, в коридоре которой с напряжением оста-

новился. Уже через застекленный зазор стальной двери отчетливо распознавался силуэт Игнатьевны за углом от выхода из лифта.

Сама по себе Мария Игнатьевна была женщиной очень даже сносной и миловидной, особенно, если ей скинуть лет двадцать. Амбассадора местных дворовых кошек любили все жители подъездов за исключением приезжих, на которых и сама Игнатьевна посматривала косо. Но стоило старушке затеять диалог, как время в односторонней беседе пролетало так же незаметно, как на рыбалке, но только без спасительных ста грамм. Даниле подобных разговоров о больном коте Басе, умершем муже Сергее и бардаке с пенсиями удавалось избежать ловким оправданием в виде верных наушников и любезным намеком на то, что парень, ужас, как торопится. Так и в сей вечер он прожевал губами скромное приветствие и кивнул, Игнатьевне, которой оставалось получше укутаться в безрукавку, давно пропахшую картоном и Вискасом.

Где была Игнатьевна, там были и ее пушистые подопечные. Один из котов Даниле даже нравился, что не удивительно для ухоженного рыжего кота, который, все-таки, никому не принадлежал. Мальчику очень хотелось забрать домой мехового обормота, но идея эта оставалась без одобрения родителей.

Летом янтарный свет уличных фонарей пробуждался в сумерках гораздо раньше наступления темноты. Даниилу в это время всегда нравилось осматривать фасады исторических зданий, украшенных розовым светом засыпающего солнца. А на улице стояла столь приятная, ласкающая кожу дыханием ветерка, прохлады, что юноше даже не хотелось воспользоваться метро, хотя и опаздывать на встречу из-за отвлекающих прогулок было бы невежливо.

Перетекали одна в другую реки пешеходов. В окнах бульварных домов, словно картинки в калейдоскопе, проявлялись маленькие сюжеты быта уютных квартир. Плавню дрейфовали в пятничной пробке автомобили, то и дело глухо вздыхая и недовольно бурча уставшими двигателями. Серое полотно асфальта украшали мазки разноцветных пятен от загорающихся вывесок кафе или баров. В одно из таких заведений спешил и сам Данила, хотя спешить не особо хотелось. Какой-то в этих прохожих, виляющих авто, в музыке из очередного ресторана был манящий такт, ритм жизни, который, казалось, можно было уловить, только если остановиться, заглушить глас каждой мысли и отдаться моменту. И уловить его хотелось. Ощутить себя самого в этом то и дело меняющемся ритме. И пускай в наушниках играла попса...

Однако времени оставалось все меньше, и с неохотой юноша достал из кармана проездной. Трижды сверившись с навигатором уже в автобусе, Даниил наблюдал за теми, кто сегодня стал его спутниками хотя бы на двадцать минут. Напротив его сиденья листала в смартфоне какие-то фотографии девушка с карими волосами. Ровесница, скорее всего, но неприметная. На другом ряду, чуть поодаль устроился средних лет мужчина, который, как и Данила, поглядывал на пассажиров, показывая легкую улыбку из-под своего кепи – витал в своих мыслях. Еще один пассажир раздражал всех присутствующих негромким кашлем, отчего, наверняка, схватывал упрек-другой в свой адрес.

Только Даниле на все это было по-юношески все равно в своих наушниках. Он лениво оглядывал всех этих возвращающихся домой или куда-то спешивших людей с одной лишь мыслью о том, что ни один из них на него не похож. Из дня в день куда-то торопятся, возвращаются, суется и, кажется, совсем не обращают внимания на вопросы, может, и чересчур глобального масштаба, но зато духовные, касающегося каждого. Неужели они не способны хотя бы на минуту остановиться и задуматься о высшем назначении Человека? Неужели они не готовы вникнуть в глубины человеческой души? В общем, раздражающие обыватели часто теряли авторитет в глазах бунтующего юноши. Куда им до свежих взглядов и рассуждений. Они не читают ни Канта, ни Декарта!

И с такой внушенной самому себе досадой юноша прислонился лбом к прохладной поверхности окна.

— Осторожнее! — Колющий щипок развеял угнетающие мысли так же, как это сделала бы переключенная музыкальная композиция.

Нога сама отдернулась назад от звонкого тона девушки.

Случайный неловкий жест пробудил из своих крохотных мирков обоих. Сидящая напротив соседка скептически осматривала отдавленную черную туфлю, прежде чем бросить не менее скептический взгляд на Даниила.

— Извини, я это... Задумался, — поплыл юноша, — Тороплюсь, вот.

— Ага, вижу. Туфлю мне чуть не испортил, — кинула в ответ спутница.

Потупив взор, Даня вынул выключенные запятые из ушей, желая услышать то, что заглушили музыкальные ритмы, и даже разжал губы, чтобы переспросить, но вес его неожиданно сместился вперед – с тихим скрипом автобус прибыл к нужной остановке. Нужной не только Даниле. Едва ли не стукнувшись лбами, подростки, скромно подталкивая зевак у дверей, раздвигающихся, подобно занавесу, вышли на сцену-улицу. Только пути у них были разные, Даниил это сразу почувствовал. До заветной кафешки было рукой подать, только идти надо было левее, по Трифоновской, а девица со звонким голосом, похоже, направилась на проспект. Было у Дани странное ощущение, что эту девчонку он где-то уже встречал, хотя все симпатичные девушки казались ему похожими. Но как вовремя Даня вспомнил, что единственным его идеалом, ангелом, музой являлась Анна. Мысль об этом булавкой мимолетного стыда кольнула парня в сердце, и он неспешно воткнул в уши черные девайсы, защищающие Даню от всего мира.

Он спешил. В голове один за другим мелькали воображаемые сюжеты, приятные мысли, фантазии. Как ловко юные умы способны переключать все свое внимание от лирической грусти к окрыляющей радости и обратно, не боясь упасть с этих эмоциональных качелей, а лишь наслаждаясь азартом и эмоциями, подаренными с каждым качком в сторону. И не важно, что повзрослевшие обыватели в своих раковинах не поймут и не ощутят того же.

Взгляд Даниила неожиданно уловил на сухом асфальте маленький осколок. От прозрачно-белого, изогнутого клыка тонкой полоской тянулась привязанная красная нить. Впрочем, может, это был все-таки осколок, разве что не от бутылки? Этого Даниил не понял, но отчетливо понимал, кому принадлежит сей “талисман”.

Подобрать наиболее тактичное обращение начитанный юноша не сумел. Не кликать же ровесницу, хоть и незнакомую, на “вы”, а девочкой назовешь – так обидится, да и глупо оно.

— Извини, — тихо произнес Даня и обрадовался, что девушка обернулась и даже не обиделась, — Это не ты, вот, уронила? — Он протянул странный аксессуар, держа его тремя пальцами.

Озадаченная школьница слегка прищурилась, и через несколько секунд в ее глазах промелькнула ожидаемая искорка осознания.

— Спасибо, — ответила она с какой-то виноватой улыбкой, забирая искусственный клык, — Уже второй раз за день спадает.

— Бывает.

Данила запнулся. Как же бесило его, когда мысль его бежала впереди языка. И чем симпатичнее была собеседница, тем чаще случались эти гадкие заминки.

В потоках приятного прохладного ветерка Даниил срезал угол очередного переулка. Не редко он выбирал и долгие пути, особенно если парня сопровождала компания энергичных Arctic Monkeys или Imagine Dragons, и быть может, в сей вечер маршрут его тоже мог бы представлять собой лабиринт сталинок, чем-то напоминающих лично Дане многоэтажные пряничные домики, к которым зимой прибавлялась еще и снежная глазурь.

Как интересно было юноше увидеть, какой будет пятиэтажка с витражами с улицы напротив, когда ее отреставрируют. И причудливые пиджаки-фасады многих других домов ему было не менее любопытно лицезреть. С этим интересом невольно посещали голову Даниила и мысли

о том, какие в подобных помпезных зданиях будут квартиры. А какие в них будут жить люди? С печалью для себя на этот вопрос Даня уже нашел ответ: скучные, простые обыватели...

Заводную попсу пришлось оставить позади. Стеклянная дверь тихим щелчком погрузила Данилу в терпко-пряные ароматы кофе и выпечки. Контраста между температурами снаружи и внутри не было никакого, но это оказалось даже приятным. Теперь главное – не накосячить. Ни в чем. И так уже облажался – опоздал. Найдя взглядом нужный столик уже на входе, уверенной походкой Даниил отправился к самой безбашенной (хотя по отметкам вполне приличной) шайке гимназии под номером четырнадцать. Ребят было куда меньше, чем он ожидал. Но главными для подростка были не они. И слизывающая с губ молочную пенку Аня уже не слушала сидящего напротив Женьку, хотя его счастливый случай сдачи профильного был занятелен. Улыбнувшись пятерым счастливчикам, молчаливый Данила протиснулся между стульями гостей – это было так же неудобно, как пробираться к последней парте у окна, когда ты уже опоздал. Прежде чем блондин сел, в самый последний момент рука его соскользнула с уголка стола, отчего тот качнулся, устояв на четырех “лапах”, и взбудоражил напитки в чашках. «Нелепо, но простительно» – решил Даня, когда голубоглазая муза одарила юного поэта застенчивой улыбкой. Быть может, Аня и не была идеалом в глазах молодых парней, но Даниле почему-то и не хотелось вписывать ее в критерии идеала. Пусть она будет хороша в тех критериях приятной девушки, которые созданы лишь для нее одной. И в отличие от других прекрасных дам Даня мог непринужденно и легко поздороваться с подругой и даже заговорить.

Всем привет! Привет! — Он протянул свою руку, но в ту же секунду отдернул ее.

На бледной ладони юноши красовалась тоненькая полоска крови. Даниил краем глаза взглянул на угол лакированного стола. Никогда не понимал он, на кой черт поверх некоторых из них крепили железные пластинки, особенно острые. Вот руку и порезал. Незначительно, но неприятно и даже как-то обидно. Облажался. И всю уверенность как рукой сняло. Надо же, на ровном месте и такой косяк. Так мог только он.

— Порезался? — Аня наклонилась к нему, шурша салфеткой.

А ведь в жизни ее голос был мягче, чем по телефону – эту перемену Данила стал замечать не так давно, но отчетливо, а заметив впервые, не понимал, как игнорировал ее раньше.

— Да я промою лучше, — тихо ответил парень, выходя из-за стола.

К легкой радости всех ребят, остаток вечера прошел весьма хорошо. Уютная кафешка принимала и провожала разных гостей, поочередно кружившихся вокруг столиков, как дети на карусели, поочередно запрыгивая на стулья-лошадки за своей ванильной, кисло-сладкой или пряной порцией позитивных эмоций. Из небольшого динамика в верхнем углу сочились ритмичные биты – тоже попса, но хорошая. Одним словом, атмосфера вечернего места так и располагала на теплые беседы, хоть и не о высоком, но точно о самом важном: смешные случаи с училками, особенно с биологичкой, очередное обновление для любимой аркады мальчишек, и не какое-нибудь, а крупное, глобальное, планы на лето, такое ожидаемое, мимолетное, а потому и невероятно ценное. Даниилу было обидно лишь оттого, что смысла в диалогах из пустого в порожнее он находил не много, а ведь так хотелось поспорить и раскрыть даже самые обыденные темы с разных сторон, разложить это мимолетное, ценное лето с философской точки зрения. А тогда ведь и сама мимолетная жизнь станет интереснее, наполнится контрастами. Впрочем, истории с училками, новое обновление и поездка отличника Вадика на море тоже были интересны.

Но не менее важным было и другое – то, о чем Дане поговорить очень хотелось, но начать разговор было не то, чтобы неловко, а... некомфортно. И разговор должен был состояться с музой...

Как-то так получилось, что сроки вступления в нравы молодежи теплых чувств для Даниила и Анны были практически одинаковыми, а влюбленность – почти взаимной. Сколько было совместных прогулок, посиделок в кафе, походов в музеи, сколько листов было исписано

домашкой при общей работе – и все это было невольным вкладом в ту эмоциональную связь, что невидимыми нитями притянула ребят друг к другу. Но между тем что-то постепенно менялось и в Даниле, и в Анне, и паруса собственных их интересов вели их другими ветрами по чуждым друг другу течениям. К концу года ребята остыли друг к другу... Почти.

— Я на днях твою книгу дочитал, — Тихо сказал Данила, сев на лавку у кафе, — Ну, ты мне ее советовала недавно.

— А, помню, — Аня развеяла рукой облако пара, проверив щелчком кнопки заряд “Вейпа”, где этого пара, казалось, хватило бы на тучу, хотя она явно испортила бы летний вечер и послевкусие хорошего кофе, — Понравилось?

— Думаю, да, — парень прервался, чтобы сделать глоток терпкого напитка в бумажном стаканчике, — Я, по-моему, что-то такое уже читал: чувства – химия, иллюзия. Мозг подкидывает нам дофамин, а мы думаем, что это любовь.

Анна не закатила глаза, как сделала бы это раньше. Раньше бы она толкнула его плечом и сказала: «Ты опять все усложняешь», и они бы дальше спорили и смеялись. Сейчас она просто вздохнула.

— А ты именно к главе о любви прицепился, да? — Она тихо прыснула.

— Да нет... Вспомнил просто.

— Ладно, забудь, — Аня снова сделала затяжку, глядя куда-то в сторону.

— А ты чего такая отстраненная? Вроде говорили нормально, а теперь ты со мной словно через силу со мной разговариваешь.

Девушка шумно выдохнула еще одно белое облако:

— Дань, я не отстраненная. Просто... Мы с тобой в последнее время как будто по кругу ходим, знаешь? Кафе, разговоры ни о чем, потом ты начинаешь о “смысле жизни”. Я киваю, делаю вид, что мне интересно. А мне неинтересно. Вот.

Данила замер, некоторое время думая о чем-то своем.

— То есть, я тебе надоел?

— Нет... Просто мы будто застряли. Помнишь, как раньше? Мы могли пойти после школы в парк какой-нибудь или на крышу к нам. Просто так, без плана. Сидеть и болтать про всякую фигню – и все было круто, нормально. Или могли просто молчать, и это тоже было нормально. А сейчас у нас словно все натянутое... Как будто мы должны быть “хорошими друзьями” и делать вид, что все ок.

Юноша сжал руки в кулаки, словно стеснялся чего-то.

— Я не специально делаю все натянутым, — Буркнул он, — Просто не о чем говорить.

— Вот именно. Мы не знаем, о чем говорить, и это странно. Раньше нам вообще не нужны были темы.

Даня хотел что-то возразить, но когда он открыл рот, эта мысль куда-то испарилась, а из уст вырвалась короткая фраза:

— Может, мы просто выросли, и стали друг другу неинтересны?

Анна на секунду закрыла глаза, словно пыталась сдержать раздражение.

— Сразу в драму. Просто... иногда мне кажется, что ты сам не хочешь ничего простого. Тебе обязательно надо все усложнить, найти какой-то скрытый смысл там, где его нет. А я хочу просто посидеть. Или прогуляться. Картошки поест типа... Без этих твоих “что ты имеешь в виду?”.

— Что плохого в том, что я пытаюсь во всем разобраться?

— Да в том, что это бесит, — Резко ответила девушка, — Ты пытаешься разобраться, но мне от этого не легче.

— Просто сказала бы, что я тебе разонравился...

И еще дюжину бесконечно тянувшихся минут двое подростков перемалывали насыщенные события крохотного, но важного отрезка прошлого, не замечая, как обесценивают их и

убивают. Но всему суждено заканчиваться, и Данила знал это хотя бы, потому что так часто стал задумываться, как всему суждено в этом мире закончиться. Он знал, что закончатся и его переживания – об этом он помнил от разных философов. Знал со слов взрослых, что появиться другая муза, чему отказывался верить наотрез. Знал, что жизнь на этом не заканчивается. Так он решил, когда, поправив бежевый кардиган, Анна снова открыла стеклянную дверь кафе, где была встречена улыбками одноклассников, которым, в отличие от молодого циника, не нужно было в эти мгновения собирать осколки собственного «Я». На ее приглашение зайти Данила ответил совиным «Угу», а потом ухмыльнулся, ни то Ане, ни то себе, просто потому что иначе бы в горячке наговорил бы таких глупостей, каких не смог бы оправдать ни один подвиг. Несколько секунд он переминался с ноги на ногу, пытаясь создать вокруг своего образа хоть какое-то впечатление уверенности. Взгляд его был направлен в даль улицы, звуки и тихий шум которой становились для юноши все тише, пока не были окончательно заглушены миниатюрными динамиками – верными спутниками Данилы на любых прогулках. К ребятам он уже не зашел – не было смысла. Улица плыла перед глазами Даниила, плыли окна фасадов, плыли маленькие жизни в них. Но нынче они не были такими яркими для юноши. Фасады слились в единую, серую стену, а бытовые сюжеты казались глупой и бессмысленной беллетристикой.

Наконец, он сам себе признался, что душу его терзают обида и ревность. И ведь повод для появления столь язвительных чувств на самом деле был едва заметен, а разум и сердце, так часто несогласные друг с другом, отказывались принимать этот факт. Да и черт с этим!

Не обращая внимания на то, как одна мелодичная композиция сменяется другой, обиженный на весь мир, молодой парень спешил куда-то прочь от него, замкнувшись в собственных мыслях. Ну, разумеется, нежные чувства в последствии повлекут за собой страдания – об этом Данила знал и помнил еще со школьной программы, но как он мог забыть об этом, словно мальчишка, ребенок, поддавшийся на незатейливую уловку взрослых? Попался на удочку гормонов и эмоций, а теперь как дурак еще и дуется на собственную слабость из-за потерянной бдительности. Нет уж, хватит с него этих отношений и нежных разговоров! Так он решил, складывая наушники в черную коробочку – музыка почему-то страшно раздражала в эту минуту, как и множество других вещей на улице. Так еще и люди по пути, как назло, занимали середину дороги, праздно болтая друг с другом о какой-то ерунде. А пешеходы, собравшиеся и толпящиеся, как пингвины, на светофоре, просто бесили. Какими же недалекими в очередной раз показались они отчаявшемуся юноше. И только красный человечек на круглом табло, статически занимающий свой пост, выглядел нормальным, хоть и немного покрасневшим.

Парень устал ждать, ноги сами поспешно повели его по зебре. Он бежал от всех и вся, чтобы никого не видеть. Чувствовал себя таким крохотным, между давящими «сталинками», и даже дом с витражами и бордовыми кирпичами, сокрытыми за строительными лесами, удручал его, казавшись вблизи даже жутким.

Даня сам не знал, зачем достал из кармана телефон, большой палец его бездумно переключал одну вкладку на другую: пропущенный от мамы, календарь, галерея. Он был бы рад затеряться где-то между этими вкладками.

— Осторожно! — В стороне раздался громкий крик.

В ту же секунду Данила поднял голову и ощутил резкий, неприятный зуд – с глухим стуком он ударился лбом о впереди стоящее дерево. Ему и в самом деле стоило бы быть осторожнее, глаза в экран смартфона, и пусть ни Дане, ни клену, сперва принятому за дуб, от удара не было ни тепло, ни холодно, неприятный осадок все-таки остался. Тихо хмыкнув, парень потер лоб, рассматривая узоры коры старого дерева, и сделал пару шагов назад, шурша хрупкой листвой под подошвами кроссовок. Нелепый казус переключил внимание Дани. Сделав глубокий вдох, что повлек за собой запах влажных листьев и спелых яблок, он закрыл глаза, и всякие дурные мысли его почти мгновенно рассеялись, уступив место спокойствию и умиротворению, которых юноша, не ощущал ни разу за всю свою жизнь. Легкий ветер нежно гладил

и перебирал расстилающуюся алую листву на земле, на что, казалось, каждый лист отзывался тихим шепотом. Один из таких листьев привлёк внимание Дани, и он поднял с тёплой земли этот ярко-красный кленовый фантик, мягко ощупывая пальцами изящные сети пожелтевших жилок. Словно медитируя на пестрый листок, все свои последние мысли Данила перенес на его контур, окончательно забывшись. Такая красочная флора встречалась мальчику обычно в мультиках или на картинках, где художники нарочно делают цвета листвы особенно насыщенными. С легкой, какой-то глупой улыбкой на лице юноша покрутил пальцами тонкий стебель листа, прежде чем отпустить его, позволив тёплому ветру унести сотни таких же листков между толстых стволов деревьев куда-то за горизонт. Но и деревьев, украшенных медово-малиновой, листвой было не меньше сотни.

Даня снова втянул носом свежий воздух, не понимая, как далеко убежал от привычных ему мест. Хотя молодому человеку это было неважно, он даже позабыл о том, что так тревожило и раздражало его пару минут назад. Шелковые лучи солнца мягко пробивались сквозь янтарные кроны. С каждым шагом Данилы лиственный покров, откликнулся тихим, ласкающим ушаи шорохом...

Чем дальше Данила шел через внезапно окруживший его лес, тем отчетливее становился иной, вторящий шум. Шорох... Еще шорох... Шаг... Еще один... Другой... На фоне пастельно-розового горизонта появился чей-то отчетливый силуэт. Капля в водах бескрайнего, тихого моря оказалась худощавого телосложения человеком. Темным, как тень. Еще издалека забавного вида мужчина напомнил Даниилу воронёнка или облезлого черного кота. Уж больно странное и даже чудное на нем было пальто, которое видом своим отдаленно напоминало камзол – столь же черное, как растрепанные волосы странника. Да и штаны смотрелись чуточку великоватыми.

Но пусть странный путник и выглядел для столичного юноши необычно, Данилу это ничуть не удивило. Странную он за собой заметил особенность – ничему не удивляться и, кажется, вообще ничего не чувствовать. И дело было не в наигранном цинизме. Но был у этого потрепанного вида незнакомца реквизит, который перетягивал на себя все внимание мальчика. И действительно, зачем средь бела дня носить с собой ручной фонарь, к тому же зажженный?

— Ну? Заблудился? — Спросил он низким, но приятным голосом, и в ту же секунду заставил Даню переменить мнение о самом себе.

Выпрямившись, незнакомец надменно, но с каким-то добрым прищуром осмотрел потерянного юношу, будто делал это лишь ради приличия. И странное ни то пальто, ни то камзол стало на его статной фигуре как с иголки одетые, и штаны были впору. И только скрипящий железный фонарь в его руке совсем выбивался из образа, да и свеча в нем горела по чем зря. А как все-таки быстро наступил день! Что-то на секунду-другую смутило Даниила, но придавать этому значения ему не хотелось, будто незначительной ошибке или опечатке в строчке книги.

Незнакомец цокнул языком, будто бы нашел в облике Дани позорный изъян, и коротко, едва заметно кивнул головой в сторону, куда, сверкая начищенными туфлями, ушел сам. И юноша пошел следом...

А казалось, пойти можно куда угодно, в любом направлении персикового цвета долины, но с незнакомцем было интереснее. То и дело Данила бросал взгляд на чередующиеся деревья, стоящих подобно шахматным фигурам на бесконечной шахматной доске из листвы.

— Не волнуйся, если с тобой и происходило что-то неприятное, оно закончилось, — объяснил тем же ровным голосом брюнет, глядя на парня через плечо.

И Даниил снова оторвался от яркого пейзажа, в очередной раз обведя взором спину своего внезапного спутника, который остановился, озадаченно глядя перед собой.

— Что такое? — непринужденно спросил он, заглядывая за плечо мужчины.

Возможно, при знакомстве с этим человеком при других обстоятельствах Даниил бы благополучно замкнулся в себе, как это обычно и бывало с подростком, но здесь и сейчас всякий возможный казус или неловкость при разговоре казались ерундой или чем-то неважным.

— Пришли не туда? — спросил юноша еще раз.

— Да вроде куда надо пришли, — хмыкнул мужчина, фокусируя взгляд в какую-то невидимую точку перед собой, — Открывать никто не хочет.

Передав Дане увесистый фонарь, он начал водить руками в воздухе, как мим, желающий пробиться сквозь выдуманную преграду. С едва слышным треском пламя в застекленном сосуде начало колебаться в ответ на прикосновение юноши.

— Я Себастьян, кстати, — дирижируя, представился странник и, наконец, толкнул теплый воздух ладонью, словно он был осязаем, вызвав тихий скрип.

— Я Даня, — тихо протянул парень, бросив удивленный взгляд на появившуюся темную линию, такую тонкую, что можно было бы подумать, что в его затуманенных светом глазах всего лишь рябит пейзаж.

Но мираж становился более реальным и от этого пугающим. Под движениями рук Себастьяна линия становилась все толще, вытягиваясь в прямоугольник, в котором через несколько мгновений стали, словно из воздуха, появляться и преобразовываться хаотичные объекты: обшитые шелком стулья, потертый столик с замысловатыми кабриолями, на пыльной поверхности которого не хватало, разве что, чернильницы, но которая тут же появилась на углу, такая же потертая, как и старинная этажерка, а еще книжный шкаф неподалеку. И чем больше таинственного пространства появлялось перед взором Дани, словно из-за открытой двери, тем больше причудливых предметов появлялось внутри этого таинственного портала.

— Не стесняйся, проходи, — тихо сказал Себастьян, шагнув в открывшуюся дверь.

От прохладного сквозняка полы его пальто слегка приподнялись, и Данила, перехватив увесистый фонарь, быстро заморгал, обнаружив в облике напыщенного мужчины все больше нелепых деталей. Так и его черный, по всей видимости, плохо застегнутый ремень показался юноше декоративным хвостом, повисшим на одной только бляхе.

А внутри миража повеяло запахом сырого старого дерева и горячим воском, шелест листы сменился глухим шорохом исписанных высохшими чернилами бумаг, которые рваным беспорядочным слоем покрыли скрипящие под ногами Дани половицы. И вот, двое людей оказались в огромном деревянном цилиндре. Стол с кабриолями стал объемным, в позолоченной чернильнице блеснула под светом догорающих свечей темная краска, а шкаф в конце иллюзорного пространства оказался гигантских размеров стеллажом по всему периметру помещения, возвышающимся на несколько дюжин метров вверх. На глаза попадалось все больше странного барахла, которое, казалось, стало единым целым с этим причудливым местом. Хотя эта старинная комната, смахивающая на большую каморку или библиотеку, совсем не вызвала у юноши никаких эмоций, творческий беспорядок, или даже хаос вокруг пробуждал у подростка интерес, который тот по каким-то причинам старался не показывать тому, кто привел его сюда.

— А чего никто не открывает? — Голос Себастьяна с угасающим эхом разошелся по деревянной призме.

Разведя руками, мужчина прошел к центру комнаты, пиная пару звонких пустых склянок из пожелтевшего стекла.

— А чего без стука-то? — Отозвался еще одним эхом с конца комнаты другой, более высокий, но не менее приятный женский голос.

Машинально взгляд потерянного Данилы пал на один из стеллажей, на широких полках которого не было ни книг, ни бумаг, но на которых мог бы вполне рассестись какой-нибудь человек. И снова судьба подкинула Дане встречу со странным, но привлекательным спутником, а точнее — спутницей.

Сначала в сторону парня повернулось большое серое ухо, а лишь потом их обладательница. Дане даже показалось забавным то, как уютно устроилась эта высокая девушка, протиснувшись в полость старой мебели, и как забавно смотрела на них сверху, неспешно откусывая желтое яблоко – каждый кусочек сопровождался громким хрустом. Легко качнув ногой, подобно цирковой артистке, незнакомка кувыркнулась и с кошачьей ловкостью приземлилась на ветхие доски. Много в ней было от кошки, и не только уши. Даже маленькое лицо, напоминало морду какого-то мультяшного зверька.

— Это он, да? — Вытерев рукавом кофты губы и вместе с этим стерев со своего образа впечатление грациозной особы, девушка наклонилась к Даниле, который даже шагнул назад от удивления.

Два зеленых глаза осматривали его с ног до головы, изучали черты лица, подмечали крохотные детали. Было в них что-то пугающее и одновременное притягательное. Но и Даня рассматривал незнакомку с не меньшей внимательностью. Джинсы, джемпер, кроссовки делали ее совсем непохожей на Себастьяна, чей облик больше напоминал потомственного аристократа, нежели молодого зуммера. А пушистые уши, смешно торчащие прямо из копны крашенных серых волос на голове, стремились уловить каждый шорох, каждый вдох мальчика и постоянно дергались, как два локатора.

— Чего-то он дохлый какой-то, — бросила девушка и подняла взгляд на Себастьяна.

Увидев, как знакомый её нахмурился, ушастая особа позволила себе последнюю наглость, и, быстро наклонившись к мальчишке, понюхала его шею, в ту же секунду встрепенувшись.

— Обалдеть! — Воскликнула она, широко распахнув глаза, — Реально человек!

— Кончай шулки свои, Лан!

Видя чрезмерное любопытство девушки, Себастьян взялся за плечи Дани, уведя его в сторонку – на всякий случай.

— Я же говорил, что придет, — бросил он, бросив беглый взгляд на юношу, словно сам для себя подметил, что привел человека.

— Господи, он пахнет живым! — Не успокаивалась Лана и, уперев тонкие руки в колени, всматривалась в светловолосого мальчугана.

Страхнув движением головы прядь волос со своего лица, она снова шагнула к совсем растерявшемуся юноше, но тут же была остановлена шипением Себастьяна.

Данила и сам встрепенулся, услышав неожиданную угрозу, и совсем побледнел, когда Лана ответила на нее тем же.

— Эй, ну-ка! Чего зашипели? — Послышался сквозь возникший “белый шум” голос еще одной особы.

Появление в этом странном месте еще одного ушастого персонажа уже не удивило Даню. Оттуда же, откуда явились Себастьян с Даней теперь пришла еще одна девушка, совсем молодая, возможно даже, ровесница. На секунду-другую в его сознании мелькнуло имя “Аня”. Оно было знакомым, но Данила не мог вспомнить, кому именно оно принадлежало. Зато приятной незнакомке с рыже-какими волосами оно бы очень даже подошло.

— Алиса, — Засучив рукав серого кардигана, девушка протянула ему свою руку.

Ну, что же, “Алиса” – тоже очень хороший вариант... Даже лучше.

— Я Даниил, — ответил юноша, легко пожав руку.

— Эти двое тебя не съели еще? — Не дождавшись ответа на шутку, Алиса тепло обняла двух приятелей и ткнулась маленьким носом в щеку каждого из них.

Началась какая-то дискуссия, но Даня не слушал, о чем тихо переговаривались эти ребята. Они были странные, и дело было не в наличии еще одних ушей или хвостов у некоторых из них. Если видом своим они напоминали людей, хоть и немного необычных, то повадки и манеры их взаимодействия казались Даниле непонятными, но хотя бы не отталкивающими.

Он как никогда убедился в истинности пословицы о том, что не место делает человека, а человек – место. А место было странным. Если и удавалось какому моряку без компаса добраться сюда, то вероятно, это было его последним путешествием. Что-то в этой старинной призме, в ее антураже, покрытых ржавчиной и пылью “сокровищах” тихо шептало Дане о том, что все, попавшее сюда, остается здесь очень надолго. А все, что не попало, еще обязательно здесь окажется, но потом, когда сюда дойдут другие моряки.

— А вы вообще кто? — Вдруг спросил Данила и сам удивился тому, что не задал этот вопрос раньше.

Трое ушастых людей замолчали и повернулись к мнущемуся в сторонке парню. И каждый из них смотрел на Даню с непонятным и, казалось, неуместным сочувствием. Нужно было что-то сказать, объяснить, что происходит, но что говорить в подобных ситуациях – никто из них не знал. Первой разбавить повисшую паузу поспешила Алиса:

— Данила... Скорее всего, ты мне не поверишь... И это нормально.

Она говорила с той же осторожностью, с какой делала каждый шаг к мальчику. С такой, с какой кошка крадется к зазевавшейся птице, боясь спугнуть крылатое счастье.

— Мы находимся в библиотеке имени Бастет. Как видишь, она довольно старая, – продолжала Алиса, делая еще один шаг, — Тут у нас много книг и манускриптов... Писаний разных. Эта библиотека Рая.

Поймав непонимающий, потерянный взгляд белобрысого мальчишка, Алиса вздохнула, поняв, что лучше сказать все напрямую:

— Дань... Ты этого пока не понял, но ты умер.

И снова в воздухе повисла пауза. Долгая и напряженная. И хоть на лице Даниила не дрогнула ни одна мышца, по бегающим туда-сюда зрачкам было понятно, что разум его посетил множество раздумий. Что это значит, “умер”? Когда человек умирает, он ведь ничего не чувствует, ничего не может, не ощущает. А Даня четко ощущал под своими ногами прохладную древесину, слышал слова этой странной зеленоглазой девушки, видел её, в конце концов. Да кто она вообще такая, чтобы говорить приличным людям, что они мертвы? Впрочем, в любом другом расположении духа Данила бы просто посмеялся над таким высказыванием в свой адрес, но сейчас, в эту минуту, оно не вызвало у него ни смеха, ни печали, а лишь заставило задуматься...

Но раздумья юноши были прерваны парой тихих щелчков – Алиса проверила, что её смелое заявление не повергло парня в шок:

— Даниил, ты в порядке?

— Да чего ты его торопишь? — Вмешалась Лана, — Дай разуму адаптироваться.

Ну, конечно, Данила был в порядке. Да что с ним вообще должно было случиться от дурацкой шутки? Он молча кивнул, равнодушно посмотрев на Алису, и снова погрузился в свои мысли. Но с каждой секундой мыслить становилось все сложнее и ленивее, как на первом уроке, и парень тупо смотрел перед собой, сам не зная, почему.

— В общем-то проблема не совсем в том, что ты умер, — Себастьян осторожно влился в беседу, — А в том, где ты оказался.

Даня поднял пустые глаза на поправляющего камзол мужчину:

— В библиотеке имени Бастард в раю?

— Бастет... — поправила Алиса, — Это верно. Но кроме того, ты попал в место, куда после своей смерти уходят животные...

Хоть какая-то ясность в этот вечер. Или это был день? Даниилу это было безразлично. Он понял, что трое забавных человека, вероятно, являются сопровождающими, оттого у них и имидж такой экстравагантный и уши эти большие.

— Ну, а вы-то кто? — Задал он теперь единственный интересующий вопрос.

Алиса неловко улыбнулась, расстегивая кардиган, из-под которого мило выглядывал рисунок кошачьей морды:

— Я раньше кошкой была, — она указала пальцем на рисунок, — Вот такой британкой.

— Я, кстати, тоже, — добавил за её спиной Себастьян, — Только пороку не помню.

Очень интересно... Впервые на лице Даниила показались проблески хоть какой-то эмоции. И он был смущен тем обманом и той шуткой, которые разыграли эти косплееры.

— В смысле, “кошкой была”? — Переспросил он и обратился к Лане, — А ты тогда кто? Тоже кошка?

— Да, только чуть-чуть побольше, — высокая девушка, смирив всех присутствующих хитрым, надменным взглядом, — Я была барсом.

— Тогда я буду волком, — усмехнулся Даня, — Вообще-то животные людьми не становятся. Хоть при жизни, хоть после нее.

Все трое “животных” снисходительно улыбнулись, и за дело снова взялась Алиса:

— Дань, попробуй вспомнить, что ты делал, скажем, час назад, — Выражение лица у нее стало таким, словно она пыталась сдержать смех.

Вопрос был крайне простым, элементарным, но ответ в уставший разум Даниила никак не приходил. Неужели напился? Нет, он никогда не пил – рано ему. Он поднял растерянный взгляд на девушку, словно отвечая: «Сейчас-сейчас, я почти вспомнил...», но из его разума, словно из книги, вырвали страницу с отрывком, который произошел с Даней час назад. Он решил было соврать, вспомнить что-нибудь иное, но через некоторое время с ужасом для себя обнаружил, что не помнит практически ничего.

— Вы как это сделали? — Подскочил он.

— Да ничего мы не делали, — вздохнув, Алиса положила руки на плечи парня, усадив его на край старинного стола, — Ты ничего не помнишь, потому что нечему помнить. Твоя душа теперь в раю, а тело, где был и мозг, сейчас на Земле, понимаешь?

— Не совсем...

— Ты спешил по вечерней улице, — снова вмешался “кот” Себастьян с видом следователя, читающего протокол, — Перешел дорогу на красный цвет, прошел мимо реставрируемого дома и строительных лесов с бракованными сетями, откуда на тебя свалилась деревянная панель и несколько ведер краски, последняя из которых проломила тебе голову.

Даниилу снова понадобилось полминуты даже не для того, чтобы осознать слова мужчины, а чтобы вообще в них поверить. Сколько в теории может возникнуть вопросов у человека, который в минуту спокойного пребывания, к примеру, у себя дома, узнает, что прямо сейчас он должен лежать на ночной улице, с пробитой головой и вообще быть мертвым? У Дани возник лишь один вопрос:

— Да что за фигня?!

— Успокойся, — Алиса снова коснулась его плеч, усаживая обратно.

— Вы реально хотите сказать, что вот это все – рай? — Юноша недоуменно осмотрел высокие стеллажи с книгами и прочим старьем, — Да еще и рай, куда попадают животные.

Когда Алиса кивнула, Даниила подумал, что над ним издеваются. Когда кивнули остальные, он понял, во что ввязался.

Из одного угла призмы послышался грохот, за которым последовало тихое кряхтение и возглас:

— Нашел!

Из-под огромной груды книг, словно из сугроба вылез низкий, лысый мужчина в длинной рубахе. Легкая щетина, выпирающие вперед зубы и огромные очки делали этого полуметрового человечка, похожим на какого-то начитанного хомяка из детского мультфильма.

— Нашел, — повторил человечек, притаив на спине увесистую открытую книгу.

Все столпились около стола, глядя на громадное писание. Поправив круглые очки, низкорослый мужчина начал читать:

— Во, вот оно... “Потому что участь сынов человеческих и участь животных – участь одна: как те умирают, так умирают и эти, и одно дыхание у всех и нет у человека...”

— Старый, ну, ты чего притащил? — Перебила его Лана, — Сказали тебе, найти ответы, что-нибудь, чтобы мальчика вернуть. А ты чего нашел?

Спустив очки на нос, мужчина оценивающе взглянул на Данилу, словно желая убедиться, что тот – действительно мальчик и что его действительно надо куда-то вернуть. Он хоть и был похож на хомяка, но звали его Кротом, как выяснил позже Даня.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.